

Я ПОЙДУ ЗА ТОБОЙ

Катя Саммер

Катя Саммер
Я пойду за тобой
Серия «Trendbooks Novella /
Трендбукс Новеллы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74685296
ISBN 9785002529742

Аннотация

История первой любви, взросления, разлуки и новой встречи от Кати Саммер.

Яркая история невероятной любви героев из разных миров. Бедный парень и богатая девушка, разлука и семейные секреты, а еще музыка и самая сильная первая любовь.

У Саши Вебер есть всё: деньги, роскошь, блестящее будущее. Расплата за это – жизнь в плену чужих ожиданий. Единственный, кто может вырвать девушку из золотой клетки, – Дима Василенко, скромный поэт и ее настоящая любовь. Но под давлением отца Саша расстанется с Димой и улетает в Лондон.

Год спустя они снова встречаются. Только теперь перед ней не влюбленный мальчишка, а восходящая рок-звезда с ледяным взглядом. Сможет ли Саша растопить его сердце, или прошлое лучше оставить позади?

Книга романтика «Я пойду за тобой» – увлекательный молодежный роман и идеальное чтение для всех, кто любит книги про любовь и новеллы.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Катя Саммер

Я пойду за тобой

© Катя Саммер, 2026

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Иллюстрации на обороте обложки по лицензии ©
Shutterstock

Пролог Дима

Год назад

Я забегаю в терминал международного аэропорта с букетом уже помятых васильков как раз в тот момент, когда объявляют начало регистрации на рейс в Лондон. Смахиваю со лба кудрявые волосы, которые после очередного осветления торчат во все стороны и лезут в глаза. Страх накатывает волной, от которой можно и захлебнуться. Тяжело дыша, я оглядываюсь по сторонам в поисках подсказки, куда бежать. Ни разу не был в новом аэропорту, а он слишком большой, чтобы носиться по этажам наугад.

До боли стиснув зубы, пытаюсь зацепиться взглядом за знакомый силуэт в толпе, но... не выходит. Я не вижу ее. Сердце неистово барабанит в грудной клетке: Ринго Старр¹ бы ему позавидовал. Стою не двигаясь, хотя мысленно мечусь, как загнанный в клетку зверь. Ловлю за рукав пиджака проходящего мимо представителя какой-то авиакомпании и спрашиваю, где найти стойки регистрации, а когда мне указывают направление, бегу туда со всех ног. Но там ее тоже нет.

Нервно сглатываю, мотаю головой из стороны в сторону. Саша не могла далеко уйти. Регистрировать на рейс начали всего пару минут назад, а она, как самая настоящая умница,

¹ Ринго Старр – британский музыкант, автор песен и актер. Известен как барабанщик группы The Beatles.

никогда никуда не опаздывает, поэтому должна была пройти в первых рядах.

Чувствую приступ паники. Шаг влево, три вправо. Все не может закончиться так. Не с ней. Еще раз осматриваю очередь к стойке, вход в терминал, лифт... Лифт! Да!

Я срываюсь с места и несусь к лифту, который увозит Сашу наверх – к стерильной зоне, где я до нее уже не дотянусь. Сворачиваю к эскалаторам, едва не сбиваю с ног безликих людей и равнодушно извиняюсь.

– Саша! – Разбитая губа больно натягивается, когда кричу. Прыгаю через чемоданы, протискиваюсь между влюбленными парочками. – Простите!

Они должны понять. Я тоже влюблен. И вот-вот могу свою любовь потерять...

– Саша, стой! – Ловлю ее за запястье, когда она уже протягивает инспектору заграничный паспорт в яркой обложке с фотографией ее любимой актрисы. Облизываю губы с привкусом железа, глубоко дышу открытым ртом.

Ее взгляд падает на сбитые костяшки моих пальцев. *Я успел, успел, успел*, – эхом звучит в голове, когда она поднимает на меня ярко-синие глаза. Такие же уставшие, как васильки в моей руке.

Сердце пропускает удар, чтобы после забиться чуточку быстрее. Так происходит каждый раз, когда я вижу ее. И тепло разбегается по венам, согревая в лютый холод. Это все она – любовь к ней греет меня.

Так было всегда: я видел только ее, мог думать только о ней – бороться с этим было бесполезно. Я любил ее с третьего класса, когда классная руководительница представила нам новенькую по имени Саша Вебер и усадила со мной за одну парту. С обычным парнем с простым именем – Дима Василенко. Тогда я еле дожил до конца уроков, чтобы наконец предложить проводить ее домой. И мне было бы все равно, если бы она жила даже за полярным кругом – я бы провел больше времени с ней в пути.

Помню, как выскочил из-за парты со звонком и не попросился, чтобы успеть сорвать васильки на школьной клумбе. За что после мне довольно часто приходилось бегать от завхоза, которая умело размахивала метлой. Я хотел, чтобы Саша улыбнулась. Заметил, как сильно ее задело, что девочки из нашего класса не приняли ее в компанию. Они громко обсуждали на перемене, куда пойдут гулять – на Публичку или в парк Революции, но, когда Саша робко попросилась с ними, соврали, что речь не про сегодняшний день. Она плакала в туалете и затем половину урока прятала от меня красные глаза. А я все видел.

Как она не понимала, насколько лучше других? Они же попросту завидовали ей: модной одежде, длинным волнистым волосам, такой настоящей красоте.

Саша смутилась, когда я поймал ее на лестнице в школьном дворе и протянул скромный букет цветов. С красными щеками извинялась передо мной из-за того, что мы не смо-

жем погулять, так как она попросила папу забрать ее после уроков.

Черный внедорожник увез Сашу от меня, но я был счастлив как никогда, потому что она улыбнулась мне, а я в ней пропал. Я пропал в ней с первого взгляда, наверное. Дома за выходные исписал половину тетради стихами.

Вот только сейчас все иначе. Саша не улыбается. И к горлу от нарастающей паники подступает тошнота: в глазах василькового цвета один сплошной лед. Саша кажется... даже не испуганной, нет. Безразличной?

Я всегда уступал ей и наступал себе на горло. Когда ее отец прямо высказался против наших отношений. Когда пришлось притворяться, что мы расстались и Саша встречается не со мной, а с придурком-мажором Богданом Гаврилиным, сыном друга ее отца, у которого было все... все, что не мог дать я. Когда пришлось молчать и довольствоваться встречами украдкой и тем временем, что мы могли урвать у судьбы. Но ради нее я был готов сражаться, бороться... Я всегда догадывался, что люблю ее больше, чем она меня. Но видеть этому подтверждение оказывается неожиданно больно.

С трудом сглатываю ком в горле, будто десяток заостренных лезвий, и все же выталкиваю из себя слова, которые отравят меня ядом, если я не произнесу их вслух:

– Не улетай, – прошу и делаю судорожный вдох.

Саша моргает. И еще раз. Лишь после заправляет темную прядь за ухо, оглядывается, будто придя в себя, и хватается

меня за рукав серой толстовки, которую я ношу с восьмого класса. Отводит в сторону подальше от любопытных глаз.

Я смотрю на скромные, поникшие цветы в руках. Ладони потеют, но я уже точно знаю, что не решусь вручить ей букет. Она выглядит слишком шикарно в тонком светлом пиджаке, узких брюках и на каблуках. Никогда ее брендовые шмотки не были преградой для нас, но сейчас... Саша, одетая в них, в самом деле кажется невыносимо далекой. Будто из другого мира, который она выбрала и куда я не вхож.

– Не улетай, – повторяю. – У меня есть план. Я не сразу, но... Я заработаю денег, и мы сможем...

Осекаюсь, не договорив, потому что ощущаю себя нелепым на ее фоне.

– Дим. – Этот тон не сулит ничего хорошего, поэтому я быстрее продолжаю.

У меня есть один шанс. Последний, возможно.

– К черту музыку! Саш, послушай, – обнимаю свободной ладонью ее лицо, поглаживаю большим пальцем скулу, – я обещаю тебе, что сделаю все. Дядя Коля работает сейчас монтажником на высоте. Говорит, с руками отрывают пацанов, которые не боятся высоты, а я занимался альпинизмом... Саш, я быстро всему научусь. Деньги обещают хорошие. Днем там, а вечером могу таскаться курьером. Права получу – вообще заживем. Не сразу, но снимем квартиру. Ты поступишь в театральный, как хотела...

Я пойду до конца. Сделаю все возможное и невозможное.

– А ты? – звучит внезапно.

– Что? – Фокусирую на Саше взгляд.

– Ты когда будешь учиться?

Усмехаюсь по-доброму. Это такая ерунда в сравнении с приближающейся катастрофой.

– Ты знаешь, для меня учеба не главное, разберусь...

– Не разберешься, – обрывает она меня. – Если ты не пойдешь учиться, тебя заберут в армию. И что я буду делать одна? Без тебя?

Я хмурюсь. Потому что еще недавно мне казалось, Саша была готова бороться за нас, а сейчас...

– Разве ты не видишь, Саш? Я не отступлю ни перед чем.

– Не надо таких жертв. – Она мотает головой, а затем усмехается. Будто и правда хочет сделать мне больно. – Вряд ли твоя тонкая поэтическая душа будет так уж рада пахать двадцать четыре на семь.

– Саш, мне плевать...

– Вопрос решен. Я еду в Лондон, Дим, – произносит она, крепко зажмурившись на миг. Я не верю тому, что слышу, но она продолжает, а ее голос после паузы кажется совершенно чужим: – О чем ты вообще? Конечно, я еду, как ты мог подумать, что я останусь?

Негромкий смех режет по сердцу без ножа.

– Я буду изучать современное искусство в Централ Сейнт Мартинз² – произносит она с явным акцентом. – Мне обе-

² Central Saint Martins (CSM) – всемирно известный лондонский колледж ис-

щают стажировку в галерее Тейт Модерн!

Все это звучит для меня как набор сложных и непонятных слов, которые сливаются в один беспросветный гул.

– Но ты хотела играть в театре... – шепчу растерянню, не узнаю Сашу.

Мне казалось, я хорошо ее знаю. Но я также прекрасно понимал, что у нее есть другая жизнь. Та, где мне места не было: когда она ужинала с отцом и этим Богданом в дорогих ресторанах, летала на выходные за границу, ходила на закрытые мероприятия.

– Я не смогу без тебя. – Это сорвалось с моих губ раньше, чем я сумел сдержать слова. Слишком жалко и беспомощно. Меня тошнит от самого себя, но других аргументов нет, и я иду ва-банк.

– Не надо. – Саша вроде бы просит меня, а потом резко что-то меняется. Складка между ее бровей разглаживается, и лицо становится бесстрастным, как маска. – Неужели ты думал, что у нас с тобой выйдет что-то серьезное? Ну правда. Школьная любовь осталась в школе. А это взрослая жизнь, и здесь ей места нет.

Места не было и бешено стучащему сердцу в моей груди. Больно. Слова Саши били сильнее кулаков тех амбалов из охраны, которые по приказу ее отца не пустили меня вчера к ней домой, пусть я и пришел без приглашения. Намного точнее хука пьяного соседа, требующего у моей мамы одолжить

денег на водку. И ударов того ублюдка, что живет этажом выше, который подкараулил мою пятнадцатилетнюю сестру и пытался распускать руки. Они били сильнее гопников в подворотне, которые в прошлом году отобрали у меня заработанные за смену в порту, где я разгружал баржу, деньги и потрепанный временем телефон с неработающим динамиком. Саша звучала прямо как ее отец, который считал, что я ей не пара, потому что я чертов планктон в мире, где они акулы.

Не знаю, почему именно сейчас, но мне вспомнились стопки тетрадей, которые я хранил дома под замком на самой верхней полке. С полями, исписанными стихами для нее. Учителя в школе давно привыкли не обращать на них внимания, и только Елена Владимировна, что вела у нас русский язык и литературу, не бросала попыток уговорить меня отправить их на конкурс чертовой поэзии! Пока я рассылал демки песен в надежде, что кто-то захочет работать со мной, и пытался договориться о выступлениях в местных клубах, а параллельно продолжал таскать мешки в порту и заказы в рюкзаке.

Я пытался делать все, чтобы вырваться из общаги и не дать пойти на дно маме с сестрой. Чтобы не стать таким же, как отец, который много лет назад замерз пьяный в роще. Чтобы Саша...

– Не говори так, Саш. – Я произношу ее имя с металлическим привкусом на губах. Продолжаю его повторять, будто, если перестану, она исчезнет, растворится, уйдет. – Я пошел

бы за тобой...

– Хватит, – обрывает она меня уже жестче, с надрывом в голосе. И в ее глазах на короткий миг мелькает что-то... похожее на боль. Наверное. Но так быстро, что, возможно, я придумал это. – Первая любовь не обязана стать последней. И у меня будут другие. И у тебя. Ты хороший парень. И у тебя... у тебя обязательно все получится. Ты не сдавайся, главное.

– Саша...

– Нет. – Она отступает, разорвав контакт кожи с кожей. Вскидывает подбородок, пока моя ладонь повисает в воздухе.

Моя гордая сильная девочка.

Или уже не моя?

– Все кончено, Дим. Дальше мы по отдельности.

И, произнеся это, она больше не задерживается рядом со мной ни секунды. Разворачивается и стремительным шагом уходит от меня. Не оглядываясь. И вот уже снова протягивает паспорт у предполетного досмотра, а после исчезает в плавно движущейся толпе.

Головой я понимаю, что только что произошло, но отказываюсь в это верить. Тело бросает в дрожь. Колени подгибаются, и я едва успеваю сделать несколько шагов, чтобы приwallиться к ближайшей стене. Бьюсь затылком о нее и смотрю в бесконечно высокий потолок здания аэропорта. Теряюсь в острых узорах металлических перекладин под ним, перед

глазами плывет. А затем я внезапно ловлю фокус в далекой точке и, оттолкнувшись ладонями, со злым рычанием срываюсь с места.

К черту все!

Выкидываю в ближайшую урну никчемные васильки вместе с мечтой прожить с Сашей долгую и счастливую жизнь и бегу по эскалатору вниз, пока на языке крутятся слова. Те, которые хочется срочно выплеснуть на бумагу, вышвырнуть, как чертовы цветы... Сейчас я хочу этого больше всего на свете. Не бить кулаками грушу, не орать с крыши заброшенного здания, а тихо и в полном одиночестве где-нибудь в тени парковых деревьев под хлесткими порывами ветра писать ненавистные строчки о боли, что струится по венам.

Я пошел бы за тобой в пламя,
Я сгорел бы для тебя в пепел...

Глава 1

Саша

Наше время

Как только самолет, заходя на посадку, выныривает из-за облаков, я вижу в иллюминаторе вечерние огни родного города. Становится тревожнее с каждым километром, приближающим меня к дому. Я не была здесь целый год. За это время все изменилось.

Ощувив толчок от соприкосновения шасси со взлетно-посадочной полосой, я нервно поправляю челку, к которой еще не привыкла. Включаю телефон, и одно за другим на экране всплывают уведомления. Десятки уведомлений. Только от Богдана, которого я шокировала внезапным решением бросить все в Лондоне, прилетает штук двадцать сообщений. Он хорошо меня знает и не пытается переубедить, хотя все же настаивает, что «ну нормально же жили», не понимая до конца, как плохо мне было. Между пожеланиями удачи и требованиями доложить, что я в порядке добралась домой. Он продолжает страдать из-за того, что ему крупно достанется, когда его папочка узнает о нашем разрыве.

Его отец, Андрей Гаврилин, папин друг и партнер по бизнесу, с которым они затеяли огромный проект, будет точно не рад новости, но я слишком устала от притворства и лжи, чтобы меня это по-настоящему волновало.

«Ты сбрендила! Крейзи вумен!» – падает на телефон от Богдана.

И следом: *«Болею за тебя, дура! Пиши мне во всех подробностях».*

Я не успеваю сказать Богдану о том, что благополучно приземлилась, так как вижу входящее голосовое сообщение от папы — ему, конечно, уже все доложили. Иногда я ощущаю себя домашним питомцем с чипом в ошейнике, который и шагу не может ступить без ведома хозяина. Открываю чат, включаю аудио, и мне хватает нескольких секунд, чтобы отшвырнуть телефон на соседнее сиденье. Требовательный крик в динамике мысленно возвращает меня на год назад. В самые темные времена.

И с чего я решила, что теперь все будет по-другому? Что папа соскучился и хотя бы попытается понять, как чертовски одиноко и серо мне было в Лондоне. Как я на автомате посещала лекции, что-то делала, куда-то ходила, но... не чувствовала ничего.

Вариант ехать домой сразу отпадает, не то чтобы я сильно стремилась туда. Поэтому, двигаясь по телетрапу, я нахожу в интернете адрес бара, где работает Глеб, и отключаю телефон. Чемодан ждать не приходится: все необходимое для срочного побега уместилось в пяти килограммах ручной клади, остальные вещи я предложила Богдану распродать. Такси я ловлю прямо на парковке у терминала — желающих увезти меня отсюда за хорошие деньги хоть отбавляй.

Когда я сажусь в машину, понимаю, что не предупредила Глеба о приезде, но что-то подсказывает — он не будет удив-

лен моему появлению после недавнего разговора.

Глеб – мой брат. Единоутробный – кажется, это так называется, когда у вас одна мама. Он на пять лет старше и хотя бы немного помнит ее, в отличие от меня. И он мой кумир, потому что давным-давно вышел из-под папиного контроля и отказался от его денег. Но за что я его особенно сильно люблю, так это за то, что никогда не винил меня в смерти мамы, которой не стало сразу после моего рождения. В этом вопросе я отлично справлялась за нас двоих. Сейчас он работает барменом в модном баре под названием «Гравитация», пока лелеет надежду открыть свой.

Я прислоняюсь лбом к холодному стеклу, глядя в густую темноту за окном такси. В салоне приглушенно играет радио, что-то инструментальное, без слов. Пока водитель не переключает станцию и не делает громче.

– Моя дочь обожает эту песню, – поясняет, будто извиняясь, он. – Модная сейчас. Вам не мешает?

Я мотаю головой, но уже не слушаю его, потому что голос из динамиков закручивает меня в водоворот прошлого.

Дима. Я весь год запрещала себе думать о нем, но здесь, в нашем городе, это становится невыполнимой миссией. Это же он поет? Я специально не искала информацию, запретила Богдану и Глебу говорить о нем, но все равно натыкалась на видео в постах у друзей и общей ленте. Смахивала их, конечно, потому что не мазохистка. Мне достаточно было знать, что у него все получилось. А если его песня с участи-

ем какого-то рэпера играет на местном радио, значит, получилось же?

– Вы на концерт? – спрашивает выросший передо мной охранник, когда я, внаглую обойдя толпу на входе у бара «Гравитация», пытаюсь пройти внутрь.

Что ж, стоит не забывать: за год многое изменилось. Как минимум персонал заведения.

– Н-нет... – растерянно отвечаю я.

– Вход по билетам, прошу вас пропустить тех, кто...

– Я на концерт! – тут же исправляюсь, на что охранник демонстративно хмурится и тяжело вздыхает.

– Билетов нет, поэтому не могли бы вы освободить проход и...

– Это со мной, – раздается спасительный голос Глеба, который тушит окурок в урне и выходит из тени на свет фонарей.

– Глеб! – облегченно вскрикиваю я и уже не смотрю в сторону охраны. Несусь к брату с чемоданом наперевес. Бросаю его на землю, а сама бросаюсь на шею к брату, потому что несказанно рада его видеть. Оказывается, мне сильно не хватало простых объятий и тепла.

– Ну что ты сопли распустила? – посмеивается он, когда я, внезапно расчувствовавшись, вытираю уголки глаз тыльной стороной ладони. Затем хватает мою сумку и ведет за руку внутрь. – Посиди здесь, пока разгребу заказы из випки, окей? И потом все мне расскажешь!

Он усаживает меня за барную стойку в углу и угрожающе тычет указательным пальцем. Я послушно киваю, потому что нет сил возражать после перелета и... да после целого откровенно изматывающего года.

– Налить тебе выпить? – спрашивает Глеб, вглядываясь в мое лицо, но я отрицательно мотаю головой.

– Воды, пожалуйста.

Спустя десять минут я потягиваю через трубочку воду с лимоном и безразлично оглядываю посетителей одного из самых модных баров в городе. Меня устраивает, что сейчас здесь никому нет до меня дела: никто не пялится, не задает вопросов. Я одна, но не одинока, как было в Лондоне. Все равно ощущаю незримую связь с местом, где родилась и прожила всю жизнь, какую-никакую поддержку Глеба. Еще раз убеждаюсь, что решение вернуться было единственно правильным.

«Я не для того оплачивал твое образование, чтобы ты все бросила, когда тебе вздумалось, и даже не поставила меня в известность, что возвращаешься!» – крик папы из голосового, который то и дело по-новому звучит в голове, уже не кажется оглушающе громким.

– Саша? Боже, это правда ты? – Я вздрагиваю, когда по ушам бьет высокочастотный писк. И напрягаюсь, едва передо мной материализуются две смутно знакомые фигуры.

Точно. Марина и Настя – мои бывшие одноклассницы. Те самые, которые когда-то отказались со мной дружить в на-

чальной школе, а в старших классах активно подлизывались, чтобы получать приглашения на закрытые вечеринки и кинопремьеры. Мне кажется, они вполне могли бы покалечить друг друга, предложи я им решить в честной борьбе, кто будет моим «плюс один».

Подружки одеты явно во все самое лучшее из гардероба: названия брендов занимают большую площадь одежды и агрессивно кричат на окружающих, реплики кроссовок очень напоминают оригиналы, но швы и шнурки выдают китайского производителя, а пахнут девочки, как парфюмерный завод. Да уж, можно было задохнуться от паров, если бы рядом со мной периодически не открывалась служебная дверь, откуда задувает свежий воздух. Внешность никогда не была для меня чем-то определяющим, но! только не в тех случаях, когда по ней явно оценивали меня. А рентгеновские взгляды девочек уже точно просканировали ярлычки на моей одежде.

– А я подумала, мне привиделось.

– Ты же в Лондоне должна быть.

– Да, говорили, замуж за Гаврилина выходишь.

Подружки заканчивают друг за другом фразы, не находят кольца у меня на нужном пальце и успевают многозначительно переглянуться. Когда-то их яд мог отравить мои будни на недели вперед, но за долгие годы я выработала иммунитет.

– Ошиблись. – Я пожимаю плечами, не выдавая подробностей. Им не стоит знать, что я оставила кольцо Богдану,

чтобы тот заложил его при необходимости, потому что отец, скорее всего, заблокирует ему счета, когда узнает, что сын снова в свободном полете.

– О, а ты на концерт? – Выдав фальшивую улыбку, Настя меняет тему.

– Нет, – отвечаю честно. – Не знала, что сегодня здесь кто-то играет.

– Да ну на фиг! – пискляво вскрикивает Марина, пугая народ в радиусе десяти метров.

– Брось, ты не могла не слышать! – Настя закатывает глаза так, будто проверяет, на месте ли мозг в голове. Хотя я и отсюда вижу, что нет.

– Не слышать чего?

– Димочка Василенко, наш школьный Одуванчик! Выступает сегодня тут.

Настя, произнеся это, проверяет мою реакцию, которой не следует. Всего лишь годы тренировок, и при упоминании *его* имени я остаюсь спокойна. По крайней мере внешне. Даже если в груди кровоточит сердце.

– А мы подготовились! – ехидно улыбается Марина и выставляет вперед черное худи с ярко-синими васильками на груди.

Дима. Здесь.

Осознание приходит внезапно. Израненное сердце замирает. Я глупо хлопаю глазами, пока девочки упиваются моей растерянностью. Без сомнения, они понимают, что делают.

Если не в курсе, что мы встречались, так как мы очень старались скрыть этот факт, то они точно знают о нашей дружбе и специально ковыряют застарелые раны.

— Ладно, мы займем место на танцполе, пока есть возможность подобраться ближе, — с ухмылкой выдает Настя. — Может, он вытащит нас на сцену по старой памяти. Обожаю, когда он зовет на сцену фанатов.

— А если нет, я приготовила сюрприз. — Марина достает из кармана и демонстрирует красные кружевные стринги с номером телефона на шелковой ленте, которой те перевязаны.

Но я не могу думать о том, как это пошло, потому что пытаюсь уложить в голове, что... *фанаты!* У Димы есть *фанаты!* Нет, конечно, так и должно было произойти — кто, как не он, достоин стать звездой? Но мне очень горько осознавать, что всего он добился, когда меня не было рядом.

— Ты чего зависла? — Глеб появляется за баром вместе с тяжелым запахом сигарет.

— Кажется, мне все же надо выпить, — усаживаясь обратно на высокий стул, шепчу я.

Не смотрю на него, потому что он сразу все поймет по моему лицу. Но мне все же приходится поднять на него глаза, когда через несколько минут пробую на вкус нечто тропическое, но определенно безалкогольное в моем бокале.

— И что это значит? — выгибаю бровь. — Ты же сам предлагал!

— Предлагал, чтобы новость смягчить, а теперь ты, судя по

всему, в курсе. Не хочу, чтобы растеклась по барной стойке и утопила всех в слезах. – Он усмехается, когда я хмурюсь.

– А почему *ты* мне не сказал?

– Ну ты ясно дала понять, что не хочешь ничего слышать о нем. Хотя я все-таки рассчитывал на твою природную внимательность к деталям, – изображает умника, а я не понимаю, что он имеет в виду.

– Глеб?

Он отвечает, продолжая натирать бокалы:

– На афише написано. Твой дружок часто играет на разогреве у Дэнди.

– Дэнди? – Едва ли не задыхаюсь от удивления.

Это вау. И пусть я совсем не разбираюсь в русской хип-хоп-музыке и не слушаю ничего подобного, но я знаю, кто такой Дэнди – один из самых известных в стране рэперов родом из нашего города, который нередко выступает в местных заведениях и держит здесь головной офис собственного лейбла. Попасть к нему на разогрев по-настоящему круто.

– Эй, чувак, здесь обслуживают вообще или как? – возмущается лысый тип с наружностью Вина Дизеля с другого конца бара.

– Да, обслуживают тех, кто не раздражает барменов, – в привычной игриво-наглой манере заявляет Глеб.

– Мне вискаря! Самого лучшего, – требуют у него.

– Все будет. – Отставив стаканы, Глеб поднимает два больших пальца, а затем поворачивается ко мне, чтобы подмиг-

нуть: – Роксов чистых нет, сейчас вернусь.

Он говорит это перед тем, как исчезнуть в подсобке. Я же смотрю сквозь батарею дорогих бутылок лимитированного шампанского за ним. Думаю о своем, пока не вздрагиваю от вязкого голоса прямо над ухом.

– Красотка, а вашей маме зять не нужен? – Все тот же тип, из-за которого растворился Глеб, оказывается у меня за спиной. И я бы улыбнулась из-за глупости подката или его нелепо натянутой на бицепсах рубашке, если бы он не нарушал мое личное пространство. Намеренно. Явно же видит, что мне это не по душе, но все равно стоит слишком близко, а из-за его нетрезвого дыхания по шее разбегаются неприятные мурашки.

– Нет, спасибо, – бормочу без единого намека на улыбку и избегая зрительного контакта. Мне физически плохо от его присутствия. Но я слишком выбита из колеи, чтобы откровенно его послать.

– Ну я же вижу, что тебе скучно одной. – Резко перейдя на «ты», он хватает меня за локоть, чтобы развернуть к себе на крутящемся стуле. – Давай скрашу твой вечер?

– Убери. Руку, – требую я, краснея от злости. За последний год в моей жизни было так мало телесного контакта, что сейчас из-за его жирных, как сардельки, потных пальцев ощущаю себя грязной.

– Ой да ладно тебе ломаться! – Он заливается противным лающим смехом, а я снова дергаю рукой и уже с легкой па-

никой в голосе повторяю:

– Отпусти!

Внезапно, когда я ожидаю любого вмешательства в эту сцену, кроме того, которое получаю, на плечо обнаглевшего в край парня ложится ладонь.

– Девушка просила убрать руку, – звучит до боли и до дрожи знакомый голос, и время как будто застывает.

Глава 2

Саша

Дима и правда здесь.

Не верится.

Я ловлю момент и ныряю противному качку под руку, чтобы встать позади и сохранить дистанцию между нами. И оказаться неожиданно близко к Диме. Буквально в шаге от него. И бояться даже моргнуть, чтобы он, как мираж, не исчез.

А он изменился. Я его едва узнаю. Прежде обесцвеченные волосы стали короче, темнее и не торчат пружинками в разные стороны, как всегда было, за что его и прозвали Одуванчиком. Волосы убраны назад гелем. Только один волнистый локон, специально или ненароком упавший на лоб, напоминает о привычных кудрях.

От мальчика, которого я помнила, не осталось и следа. Он одет во все черное: кожаная куртка нараспашку, под ней такая же темная футболка без опознавательных знаков, плотно обтянувшая окрепшие мышцы, а на ногах широкие джинсы и массивные ботинки со шнуровкой. В его левом ухе блестит серьга, но не привычный синий василек, а серебряная нота. Такая же простая на первый взгляд и при этом brutальная, как и весь новый образ Димы.

Он выглядит пугающе, потому что кажется мне незнакомым. В особенности взгляд, который наконец цепляется за мой: по-ледяному спокойный, хотя обычно в глубине серых глаз бушевали эмоции, и они согревали, а не обжигали холодом. Сейчас передо мной красивый, повзрослевший Ди-

ма, но... совершенно чужой. Не мой. Хотя моим он перестал быть еще год назад.

– Руки, – напоминает он, не дрогнув ни одним мускулом на лице и будто даже не моргая.

У меня мороз по коже бежит, хотя Дима не выше и точно не крупнее пристававшего ко мне парня. Но его голос...

– Мужик, да ладно тебе! – Тот выставляет руки, будто сдаётся, пока я потираю запястье. – Мы с моей старой знакомой...

– Первый раз вижу его, – встречаю я.

А парень бесится, делает выпад и тычет указательным пальцем в Диму, но тот не дергается, застыл, как скала.

– Нормально все было, пока ты не явился, свалил бы... – шипит на него, брызжа слюной.

Дима кивает, но охране, которая неожиданно окружает нас. Пара резких движений, и, мягко говоря, невежливого парня с руками за спиной выводят из бара. А я остаюсь стоять посреди зала под пристальным вниманием толпы в полном недоумении. Не из-за дурацких домогательств, этим меня не удивишь, всякое бывало. Скорее от того факта, что раньше Дима не посещал такие места, как «Гравитация», потому что те самые охранники не пропускали его на фейсконтроле, а теперь они ходят у него по струнке.

– Ты в порядке? – возвращает меня на землю его голос.

И я набираю воздух в легкие, чтобы... если не выложить все, что у меня на душе, то хотя бы ответить. Что-то. Ну что-

нибудь. Но вместо этого просто киваю, услышав, как в микрофон объявляют, что «скоро на сцене выступят Дэнди и Дима Василенко», и на втором имени зал взрывается едва ли не громче, чем при упоминании известного рэпера. Они ждут Диму там, и я жмурюсь, чтобы справиться с лавиной ревности, которая накрывает. Потому что *все они* были с Димой вместо меня, пока он шаг за шагом шел к сцене в этом баре.

– Саша? – слышу голос из прошлого.

Не хочу открывать глаза, потому что знаю, что увижу чужого Диму, когда теплая интонация так напоминает его прежнего. Или я это придумала? Фантазия у меня отличная.

– Все... все хорошо. – Заставляю себя улыбнуться и только после возвращаюсь в реальность, разбившись о темноту и мрачность его нового образа.

Дима выжидает секунд десять, не отрывая от меня взгляда. Я и правда не замечаю, чтобы он моргал, может, только если синхронно со мной. После он кивает раз и еще один вдогонку. Я выдыхаю, лишь когда он уходит. Не попрощавшись, не выдав стандартных вежливых фраз вроде «рад был тебя видеть», потому что вряд ли это правда, а Дима никогда мне не врал. Он просто уходит, а я плетусь обратно на стул, чтобы игнорировать вопросы Глеба, который, появившись снова за баром, возмущается, что меня и на минуту нельзя оставить. Пытаюсь услышать музыку за грохочущим стуком сердца в висках...

Тем временем шоу начинается. Музыканты играют пер-

вые аккорды на инструментах, кто-то из зала визжит, что ждет Димочку, по сцене ползет дым. Бас-гитарист выдает эффектное соло, а затем гаснет свет. И в следующий раз пятно голубого прожектора освещает уже силуэт застывшего у микрофона Димы в одной футболке. Он не танцует, не дергается в конвульсиях, как барабанщик на заднем плане. Ничего такого. Спокойно берет стоящую рядом на подставке гитару и только пробегается пальцами по струнам, а зал уже ревет ему в ответ.

– Всем привет, – дождавшись, когда первая волна стихнет, говорит он, и его мягкий, но уверенный голос, усиленный микрофоном, заполняет каждый уголок.

Боже, как я, оказывается, соскучилась. Я и представить не могла.

– Эта песня для тех, кто не научился любить, – без длинных прелюдий говорит он, а дальше...

Дальше он поет. Глядя со сцены прямо мне в душу. Или я опять выдумываю и беру на себя слишком много? Он же просто смотрит в зал, расплывшийся для него в одно темное пятно. Наверное, каждая девчонка здесь думает, что поет он именно для нее, но... у меня, в отличие от них, слишком много воспоминаний, которые сейчас хаотично всплывают в голове. Пока я не стопорюсь на одном из самых любимых, которое прокручивала в мыслях тысячи раз, скучая в Лондоне: одиннадцатый класс, когда мы впервые сбежали за город вдвоем и он пел мне вечером у костра.

Между нами было так много «*впервые*».

Я могу не дышать,
чтобы ты сделала вдох.
Готов отдать тебе свитер,
чтобы твой не промок.

Ослепнув от твоей красоты,
не буду грустить,
Готов лететь близко к солнцу
и крылья спалить.

– Гляди, они хотят его под песни о тебе, – щелкнув меня по носу, как в детстве, напевает Глеб.

– Я... нет. – Тру лицо, злюсь, потому что просила его так не делать, и тут же испуганно мотаю головой, будто меня поймали с поличным на чем-то криминальном. – Это не обо мне. Не может быть обо мне. Год прошел, у него точно кто-то был за это время и...

– У тебя же не было. – Глеб легко топит меня в нашем и без того коротком споре.

Я растерянно моргаю и смотрю снова на сцену.

Если с Марса я, а ты с Венеры,
То я твой левый, ты мой правый берег.
Ты в исписанных тетрадах,
В первом снегопаде в январе...

Барабаны взрывают ритмом зал, гитары становится больше. А затем музыка срывается в тишину, звучит аккорд и вместе со всем залом Дима протяжно тянет:

– Ты во мне-е-е...

Я теряюсь. Застываю не дыша, хотя больше всего на свете хочу сбежать. Потому что это для меня *слишком*. Слишком много Димы и так сразу. Будто я на полной скорости выехала на встречную полосу и лечу в лобовое. Необратимо, намеренно, понимая, насколько фатально для меня оставаться здесь, так близко к Диме. Новому, чужому. Но сдвинуться с места не могу. Потому что не знаю, что ждет меня дальше, и хочу впитать каждую секунду, каждое мгновение.

Оказывается, я такая жадина.

Поэтому слушаю. И грустную песню про огонек, что тлеет в груди, на динамичном проигрыше которой в самом деле рыдают девчонки. Остаюсь сидеть у бара, до побелевших костяшек вцепившись в опустевший бокал, и когда на сцену выходит тот самый Дэнди, а толпа окончательно теряет контроль и кричит на разрыв. Я не сразу, но узнаю песню, которую рэпер исполняет в дуэте с Димой. Именно ее я слышала сегодня по радио в такси. Это и правда был его голос.

Я пошел бы за тобой в пламя,
Я сгорел бы для тебя в пепел.

Глаза ослепляет вспышка, меня жестоко отбрасывает назад в прошлое.

— Не говори так, Саш. — Дима произносит это, а его губа кровоточит. Так же, как и мое сердце в груди. — Я пошел бы за тобой...

Не могу перестать думать о том, как его избили папины прихвостни. Как я пыталась вырваться к нему, прекратить это.

— Хватит, — срываюсь я, потому что становится невыносимо больно. И я могу лишь надеяться, что он не видит агонию в моих глазах. — Первая любовь не обязана стать последней. И у меня будут другие. И у тебя.

Я умираю изнутри с каждым новым произнесенным словом. Но другого пути нет.

— Ты хороший парень. И у тебя... у тебя обязательно все получится. Ты не сдавайся, главное.

— Саша...

Собственное имя, произнесенное Димой, звучит в голове на повторе, пока Дэнди читает куплет витиеватых фраз, которые проходят сквозь меня, ни на миг не задерживаясь. Вырвать меня из мыслей удастся только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.